

Александр Янишевский

DOI 10.15290/sw.2019.19.06

Издательско-полиграфический институт
КПИ им. Игоря Сикорского,
Кафедра Издательского дела и редактирования
tel.: +38-050-548-82-12; +48-796-177-699
e-mail: janiszewski@mail.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2198-2336>

**Две малые литературные формы
Флориана Чарнышевича как явление
литературной жизни аргентинской колонии**

Ключевые слова: литература, эмиграция, война, аргентинская колония, общественная деятельность, родная земля, малая литературная форма

Визия окружающего мира, определённых исторических событий, художественно-эстетический анализ последних, представленный национально-языковой полифонией в контексте постоянного агрессивного влияния на неё чужеродной этнической речевой среды с необходимостью объективируется через индивидуализм конкретной личности либо же через коллективное сознательное. Аргентинская колония формировалась несколькими волнами переселенцев из разных, хотя и соседних, исторических эпох: конец девятнадцатого – первая четверть двадцатого века и перед Второй мировой войной – после неё. Социум был диверсифицирован как лично, так и сословно, поэтому, безусловно, возникали общественные объединения различного толка, из членов которых иногда выходили заметные активисты, писатели, местные политики.

Флагманом литературной жизни польского этноса в Аргентине середины 20-го века можно по праву считать Флориана Чарнышевича (1900–1964). Именно он является автором эпического произведения о драматических судьбах жителей польских деревень в междуречье Брезины и Днепра в 1911–1920 гг. По отзывам Михала Криспина Павли-

ковского и Чеслава Милоша, регулярно приводимых на обложках всех переизданий *Nadberezyńców* (*Приберези́нцев*), это *Война и мир* польских Кресов и 577 страниц наркотика большого формата [Czarnyszewicz 2017, 642]. И это действительно, по их же словам, одна из важнейших и наилучших польских повестей. Отсюда и проистекает, что Флориана Чарнышевича нужно рассматривать как составную часть единого польского словесно-культурного процесса.

Великий Приберези́нец в своей общественной и писательской деятельности имплицитировал смежные, на первый взгляд не связанные между собой, элементы окружающей действительности. Все его действия определялись его же национальным сознанием, на которое повлияли факторы оторванности от Родины, недоброжелательное местное окружение, разобщённость внутри самой польской общины. Также его деятельность была своеобразной: не какое-то узко конкретное дело, цель которого сделать что-то материальное, лежащее в парадигме личного гедонистического дискурса, или даже нематериальное, но, опять-таки, продиктованное глубинным эгоцентрическим началом, а сама имманентная заангажированность в общественную полонийную работу в выше приведённых условиях, к которым ещё надо добавить непрекращающееся имплицитное влияние далёкой Красной Москвы. Общественная же работа предполагала и текущую литературно-публицистическую деятельность на страницах *Głosu Polskiego*, который выходил в Буэнос-Айресе. В итоге на Флориана Чарнышевича обратили своё внимание диаспорные критики, такие как Витольд Гомбрович и Юзефа Радзиминьская [Czarnyszewicz 2017, 114, 126].

«Для Чарнышевича вопрос даже и не обсуждался относительно того, что для поляка, занесённого на чужбину, обязанность что-либо делать на благо своей национальной самобытности проистекает из самой его *Polskości* [Czarnyszewicz 2017, 114], – написал Бартош Байков в своей аматорской публикации в 2017 г.¹ Вместе с Дианой Максимяк [Maksimiuk 2017, 107, 133–138, 156–162] они более-менее регулярно напоминают польской общественности о жившем в преддвериях Патагонии беспокойным духом аргентинце, который, впрочем, аргентинцем так и не стал.

Трудно сказать, кому больше может быть интересен Чарнышевич для исследования как творческая личность: социологам-психологам или же филологам-литераторам. Для первых он даёт обширный

¹ Здесь и далее цитаты из польских источников приведены в переводе автора статьи – Я. А.

предмет исследования как орговик, «диспетчер по Аргентине», демиург польского витализма в иберо-южноамериканской ассимилирующей среде, для вторых – это внезапно обнаруженная в неожиданном месте «гипотеза Ферма», погружаясь и вникая в которую как будто идёшь по своеобразному «листу Мёбиуса», всё время находя за очередным его плавным изломом то необычный микронарратив, то неожиданную рецепцию чего-то кем-то, то оригинальный концепт авторской прозы. Можно предположить, что и тем, и другим он необходим для рассмотрения во всех своих многогранности, полноте и в то же время чётком целеполагании. Ибо такой аналитико-синтетический научный метод помогает выработать парадигмальные критерии проблемного поля, способные создать концептуальное видение многосмысловой писательской фигуры Флориана Чарнышевича.

Критики свою задачу выполнили: социально-литературную и идейно-политическую. Для этого они использовали публицистически сильный приём сопоставления. По объёму написанного Чарнышевича можно отдалённо сравнить с украинским писателем Иваном Котляревским или же русским советским писателем Михаилом Шолоховым. Но по значимости и качеству написанного его можно (уже не отдалённо!) сравнить даже со Львом Толстым и **также** с Михаилом Шолоховым [Википедия, онлайн]. (В данном контексте имеются ввиду эпопеи *Война и мир* и *Тихий Дон*.) Творческое наследие телом аргентинца, но душой поляка, а мыслями приберезінца скромно. Всего один роман-эпопея и три повести. Имеется ещё несколько публикаций в эмигрантских национальных газетах *Głos Polski* и *Kurier Polski*, которые выходили (и сейчас выходят) в Буэнос-Айресе. Публикации как на злобу дня жизни полонийных организаций и польских колоний, так и художественные рассказы в манере реализма.

Задачи литературных критиков творчества Чарнышевича заключались прежде всего в освещении тематики его романов и повестей, в донесении до сведения общественности, что такой писатель вообще появился, что он есть и что его произведения сразу поразили их своей масштабностью замысла и наррационным инструментарием. О *Nadberęzińcach* (*Приберезінцах*), как и о других повестях Флориана Чарнышевича, довольно высоко отзывались Юзеф и Мария Чапские, да и сам Ежи Гедройц тоже толеровал его творчество. Такой вывод можно сделать на основании того, что некоторые, увы, немногочисленные рецензии на его роман и повести печатались на страницах парижской *Kultury* [Czarnyszewicz 1977, 180–181]. А наполнение номера Гедройц всегда оставлял за собой. В нынешнее время из иссле-

довательских текстов о великом польском эмигранте можно назвать разве что статью *W «nadberezyńskim kraju» Floriana Czarnyszewicza* («В “приберезинском крае” Флориана Чарнышевича») Болеслава Гадачека в сборнике *Kresy w literaturze polskiej. Studia i szkice* [Nadaczek 1999, 184–197], где кратко пересказывается содержание всей прозы писателя и даётся неглубокий анализ мотивов его творчества, несколько публикаций доктора Кшиштофа Полехонского в журнале *Arcana* в разные годы, касающиеся в основном проблем установления некоторых биографических деталей [Polechoński 2017, 107], и уже упоминавшиеся выше аматорские фактографические материалы Бартоша Байкова и Дианы Максимюк в том же журнале *Arcana* [Maksimiuk 2017, 107, 133–138, 156–162; Wajków 2017, 107–132]. Иными словами, налицо *таинственность неизвестного, nomen est nomen* – имя что-то предвещает. Чарнышевич и известен как писатель ещё с послевоенных времён, не последние общественные деятели о нём знали, в соответствующей справочной литературе зафиксирован, и в наши дни не теряется на страницах печати, и при этом окутан какой-то невысказанностью. Объяснением тут может быть его аргентинский топос, неизбежно выносивший писателя в афелий литературной жизни Польши.

Одной из задач нынешнего дискурса истории польской эмиграционной литературы поэтому и является невысказанность превратить в исчерпанность информации, а афелий писателя в системе польского литературного процесса сделать перигелием. Для этого необходимо выработать определённые принципы и критерии сопоставления творчества Флориана Чарнышевича с одноимённым других писателей, в т. ч. и из других литератур. Роман *Nadberezyńcy* (*Приберезинцы*), повести *Wicik Żywica* (*Вицик Живица*) и *Chłopcy z Nowoszysek* (*Хлопцы с Новосышек*) описывают жизнь польско-белорусских Кресов в междуречье Березины и Днепра в период глобальных изменений европейского хартленда, чем они, а особенно *Nadberezyńcy* (*Приберезинцы*) и корреспондируются с *Тихим Доном* своей симультанностью, неповторимой нарративной и грустной *finita*. С *Войной и миром Приберезинцев* роднит эпичность замысла. Повесть *Losy pasierbów* (*Судьбы пасынков*) рассказывает уже о прибывших за океан в Южное полушарие после всех геополитических потрясений соотечественниках, не нашедших себя в молодой независимой Польше. Здесь можно провести параллель с аналогичной повестью Владимира Галактионовича Короленко *Без языка: трудности и разочарования Матвея Лозинского и аргентинской полонии* очень схожи.

Ещё одним критерием сопоставления произведений Флориана Чарнышевича с вышепоименованными эпопеями русской литературы является **язык, сама наррация** изложения. И роман, и рассказы польского писателя желательнее читать со своеобразным толковым словарём того наречия, на котором говорят их герои. Точно так же как и *Тихий Дон* Михаила Шолохова и его *Донские рассказы* и определённые места *Войны и мира* Льва Толстого (мизансцены, участниками которых являются представители простого народа).

Также объединяющим критерием родственности являются **исторические эпохи**, в которых действуют протагонисты Чарнышевича и Шолохова с Толстым. С Шолоховым эпохи даже совпадают, различие состоит лишь в топосе действия, с Толстым хромотопного совпадения нет, однако временно предопределённости действий героев подобны. Можно высказать гипотезу, что обуславливающий хронос и заставил Юзефа и Марию Чапских выделить произведения белорусско-аргентинского *kresowiaka* из мозаики национальной эмигрантской литературы.

Существенным принципом, а значит и критерием сравнения творчества Чарнышевича с творчеством обговариваемых мастеров пера служит **дух протеста, сопротивления** глубинным отрицательным историческим изменениям. В *Войне и мире* это негация в западных губерниях России всеми слоями населения бонапартистского деструктивного элемента, олицетворённого военной мощью Франции. В *Тихом Доне* и *Донских рассказах* красной нитью проходят антиимплементационные настроения героев относительно перегибов большевистской политики. В *Nadberezyńcach (Приберезинцах)* здоровый консерватизм в сохранении прежних устоев жизни польско-белорусских Кресов, его атакующе-оборонительная необходимость является фабулой всего повествования. В рассказах польского аргентинца дух непримиримости проявляется в пропаганде общественной работы на благо национального землячества, оказавшегося чуть ли не на краю ойкумены.

Таким образом, можно сделать вывод, что задачи у критики и литературоведческого анализа не всегда совпадают, а иногда даже могут быть и противоположны. Как указывалось выше, первые литературные критики творчества Чарнышевича лишь сигнализировали, что такой писатель появился и в порыве эмоционального восхищения сравнивали его с гигантами мысли, не подкрепляя особо свои слова фундаментальными доказательствами. Литературоведческий же анализ видит своё функциональное предназначение в поиске таковых с целью подтверждения либо несогласия с мнением критиков.

Если применить, например, хронотопный, исторический, аналитико-синтетический и некоторые другие методы литературоведческого анализа к жанрово-стилистическому и тематическому исследованиям творчества Чарнышевича в целом, то можно как согласиться, так и не согласиться с мнением критиков. Согласиться можно с точкой зрения, что написанные на чужих берегах большие произведения действительно поражают своей многоохватностью, многоплановостью и подобием (но не тождественностью!) известным на тот момент эпопеям других славянских литератур по языку, манере, сюжетности. Также можно согласиться, что своеобразным «питательным бульоном» тематического дискурса произведений Великого Приберезүнца является народная среда во всей её сложности и противоречивости. Несогласие с критиками можно выразить в том, что он является одним из тех, кто собственно сделал польскую литературу наравне с Генриком Сенкевичем, Стефаном Жеромским, Владиславом Реймонтом и другими выдающимися литературными национальными деятелями. Флориан Чарнышевич действительно **сделал польскую литературу**, но только литературу Кресов, конкретно – польско-белорусских кресов, подобно тому, как Казимеж Пшерва-Тетмайер воспел Подгалье, создав его фольклорный портрет и неповторимый облик, всякий раз встающий перед глазами при одном лишь упоминании о *Легенде Тамр* [Тетмайер 1988, 368]. Рассказы Чарнышевича обобщённо информируют о различных жизненных ситуациях аргентинской колонии, т. е. довольно замкнутого общества людей одной из европейских национальностей и с его романом и повестями не совсем корреспондируют. Поэтому также нельзя согласиться и с недифференцированным подходом критиков к большим и малым формам писателя. Объединяющая их наррация ещё не факт тематического однообразия. А генологическая вариативность как таковая при этом отсутствует.

Большие формы (большие жанры) требуют отдельного рассмотрения, как и малые, которые тоже надо исследовать дифференцированно, однако же в их соотносённости с романом и повестями для создания цельного дискурсивного образа Флориана Чарнышевича в истории польской литературы.

Анализ малых литературных форм Великого Приберезүнца, героя польско-большевистской войны на территории нынешней Белоруссии (был тем, кого в сегодняшних конфликтах называют членом диверсионно-разведывательной группы) позволяет, что называется, «взять волну» при разборе уже собственно эпопеи, ведь *multum in parvo* – многое в малом. Ибо погрузившись в диегезис большого полотна

без подготовки, можно стать ответчиком на вопрос Козьмы Пруткова: «Есть ли на свете человек, который мог бы обнять необъятное?» [Козьма Прутков 1958, 152]. Только ответ здесь будет всегда отрицательный. Анализируя малое после большого, есть риск стать на позиции скептицизма в оценке творчества писателя, поскольку может включиться эффект разочарованных, несбывшихся ожиданий. Правило *multa paucis* – многое в немногих словах, бывает, и не срабатывает в данном случае. Поскольку в рассказе, новелле, очерке после романа или повести перед исследователем иногда предстаёт схлопнувшийся писательский мир, без наполняющих его интертекстуальности, экспрессии, многогранности, поливекторности. Что ведёт к субъективному идеализму в оценках.

Статья *Elita gorących serc* (*Элита горячих сердец*) и рассказ *Józiuk żmuda* (*Юзик-скряга*), как проистекает из видовых их характеристик, принадлежат к разным жанрам. Первая была опубликована в 1963 г. по случаю 50-летия Союза поляков Бериссо на страницах *Głosu Polskiego*, второй увидел свет там же, годом раньше, однако уже в рамках литературного конкурса, объявленного названной газетой. Рассказ получил на этом конкурсе второе место, вследствие чего и заслуживает быть упомянутым и рассмотренным. И первая, и вторая малые литературные формы свидетельствуют, что вся жизнь Чарнышевича безоглядно была подчинена идее сохранения и развития *polskości* в любой точке земного шара, где находится хотя бы один этнический поляк. «Где бы ты ни был, десятую часть своей мысли и труда посвети для Народа, который тебя породил» [Czarnyszewicz 2017, 138], – с таким девизом Флориан Чарнышевич шёл по жизни сам и в добровольно-принудительной форме предлагал его взять на вооружение другим соотечественникам. Такой вывод можно сделать и из материала Бартоша Байкова, где говорится о встречах писателя с участниками недавно отгремевшей Второй мировой войны, прибывшими в Аргентину [Wajków 2017, 117], и из *Elity gorących serc* (*Элиты горячих сердец*), и особенно из *Józiuka żmudy* (*Юзика-скряги*), где вокруг этого собственно и закручивается сюжет.

Elita gorących serc (*Элита горячих сердец*) – это подведение итогов своей общественной деятельности во имя Польской идеи в Бериссо, где автор проработал 31 год на мясохладобойне. Но подведение итогов – лишь видимый, эксплицитный пласт статьи. Имплицитная, скрытая цель – польский дух несовместим с большевизмом и продвигаемой им панславянской идеологией. Подобно тому, как Союз поляков уже однажды отстоял свой Польский дом в Бериссо от нападков «агентур разру-

шителей христианского мира» [Czarnyszewicz 2017, 141], так и «шанец *polskości* должен быть удержан» [Czarnyszewicz 2017, 142] во что бы то ни стало. Где бы он ни был, он (шанец) всегда находится «в очень важном месте» [Czarnyszewicz 2017, 142] и поэтому, если придётся, то «Чудо на Висле», надо полагать, можем повторить и на берегах Ла-Платы. Большевики и иже с ними примкнувшие называются разрушителями христианского мира, *polskość* – это осаждаемая ими крепость с шанцами, брустверами, потернами и иными фортификационными сооружениями (в крепости не могут быть одни лишь шанцы). И польская твердыня должна быть удержана, ибо *tertium non datur*. Налицо своеобразный библейский мотив, как-то: «Воины света, воины добра охраняют лето, бьются до утра» [группа «Ляпис Трубецкой», онлайн], война Бога с Антихристом, он же Армагеддон, противостояние бесовщине в головах заблудших овец. А во главе этого Великого Противостояния с польской стороны стоят те, кто «являются примером бескорыстного патриотизма. Кто является элитой польского общества на чужбине. **Элитой горячих сердец** (жирность моя – **Я. А.**) и глубокого чувства долга» [Czarnyszewicz 2017, 142].

Кто же эти прекрасные благородные «сто сорок четыре тысячи, у которых Его имя и имя Его Отца написано на их лбах» [Три жатвы, Гл. 14, ст. 1 1998, 1393]? Это те, кто «не одну уже сотню дней и ночей провёл в изнурительной, тяжкой работе (...). [Кто] грош свой в эту работу вкладывал и подённо трудился на фабрике ради неё. И никто из них до сих пор не потребовал, да и не ждал, за свой труд не то что вознаграждения, а даже и малейшего упоминания в польской газете» [Czarnyszewicz 2017, 142]. Продолжая изъясняться языком Святого Писания, именно «они едины с Агнцем и с Отцом и (...) они принадлежат Агнцу и Отцу. **Они** противопоставляются тем, кто поклоняется зверю и у кого на лбу написано имя зверя (13:16–17) (жирность везде моя – **Я. А.**)» [Три жатвы, Гл. 14, примеч. 1³ 1998, 1393].

Однако отзываясь так приподнято-эмоционально об элите польской общины на аргентинской земле, Чарнышевич допускает определённую контрактурность её действий. Так, все порывы, усилия, лишения людей лежат лишь в культурном дискурсе: они два раза перестраивают Польский дом, меняют и улучшают в нём сцену, художественно разрисовывают стены, организовывают неисчислимое количество различных импрез... А очень позитивным результатом считается публикация обо всём этом в местной польской газете. Даже противостояние с разрушителями христианского мира – большевиками он видит исключительно сквозь призму толстовского непротивления злу

насилием: например, на все имущественные притязания прокремлёвски ориентированных товариществ эмигрантов новой волны Союз поляков «отвечал демонстративным празднованием разгрома большевиков под Варшавой» [Czarnyszewicz 2017, 141]. То есть можно сделать вывод, что здесь мы видим *inversio multum in parvo* – малое во многом, когда на первый взгляд обыденные, сами собой разумеющиеся вещи вдруг превращаются в события без преувеличения планетарного масштаба. Превращаются как в субъективной рецепции писателя, так и в объективной реальности.

Также можно предположить, что, накладывая толстовский узус на глобальное сопротивление красной угрозе, на противодействие агрессивной местной ассимиляции, Флориан Чарнышевич проводит аналогии с битвами за малые цели недавно отгремевшей Второй мировой войны, но которые стали архетипами негибамости, поистине религиозной жертвенности и фаталистической веры в результат не для себя, но для других, например, битва героев Вестерплатте или битва за Дом Павлова в Сталинграде. Такой вывод проистекает, исходя из фортификационной терминологии, которая приводилась выше. А поскольку у каждого свой фронт и своя битва, то и борьба с текущими воплощениями Антихриста на Земле может принимать разные формы и масштабы. Аргентинская колония избрала умеренно контрактурный способ противостояния, что зафиксировал и воспел Чарнышевич.

Второй рассказ, *Józiuk żmuda* (*Юзик-скряга*), является полноценной художественной малой литературной формой со своим сюжетом, завязкой, развитием и развязкой. Подзаголовком ему могут также служить слова из Святого Писания, а именно из «Экклесиаста» и Псалма 38: «Время разбрасывать камни, и время собирать камни» [Книга Экклесиаста, или Проповедника, Гл. 3, ст. 5 2001, 668]; «Напрасно он [человек – Я. А.] суетится, собирает и не знает, кому достанется то» [Псалтирь, Псалом 38, ст. 7 2001, 586].

Как и в *Elicie gorących serc* (*Элите горячих сердец*), протагонистом тут есть сам Союз польских эмигрантов в аргентинском городке Коста-Бая. Но это молчаливый герой. Главным тут есть его рецепция разными людьми: членами и не членами. Сюжет воспринимается через оценку ими его деятельности. Чарнышевич и здесь остаётся верным себе: родная земля, даже находящаяся далеко, но остающаяся в сердце, всегда поможет и не оставит в беде. Но эту землю необходимо лелеять, взращивать и приумножать на чужбине. В фигуральном смысле слова.

Адам Нарейко и Юзеф Бараньчик представляют из себя два типа польских эмигрантов, прибывших в Аргентину после окончания польско-большевистской войны. Первый не видит свою жизнь без активного участия в деятельности упомянутого Союза, второй же не хочет о нём даже слышать и воспринимает его исключительно как беспрестанного просителя финансов на ненужные, по его мнению, мероприятия. Бараньчик торгуется, когда Адам просит его сделать добровольный взнос на помощь пострадавшим от наводнения в далёком Виленском крае: «...Мы хотим помочь бедным». (...) – “Хорошо, дам одно песо”. – “Юзик!” (...) – “Хорошо, дам три”» [Czarnyszewicz 2017, 144], вообще отказывается давать на местную польскую школу, сопровождая свой отказ не совсем литературной бранью: «На оболтусов чужих давать?! Ни копейки, ни гроша! Кто их наделал, тот и цапки пускай им покупает» [Czarnyszewicz 2017, 146], не хочет поддерживать, как через Союз, так и без него, других соотечественников, попавших в затруднительное положение, не говоря уже о самом Союзе и членстве в нём. Юзик всё тянет себе в дом, скупает всё новые и новые участки земли: «Через год после окончания второго дома купил новый участок» [Czarnyszewicz 2017, 145], строит на них дома для будущей сдачи в наём: «...под ивовым лесом начал строиться» [Czarnyszewicz 2017, 145], отказывается даже от счастья иметь детей ради накопления, занимая в этом вопросе крайне эгоцентрическую позицию: «Прежде надо жизнь этим детям обеспечить, а потом ещё и хлопотать о них. Детей каждый имеет; эка невидаль» [Czarnyszewicz 2017, 145] – одним словом, уподобляется гоголевскому Плюшкину на начальном этапе деградации личности.

Адам Нарейко – полная противоположность Юзику, которого Чарнышевич прямо в заглавии рассказа называет «жмудом» (искажённое от «жмот»). Нарейко автор даже и имя дал праотца всего человечества как носителя божественной морали в догрешный период пребывания в Эдеме. В мировоззрении Адама участие в работе этнического Союза есть тем, что позволяет не то что самореализоваться, а как бы искупляет всю жизнь, независимо от того, что ты в ней делал. Это как кровь агнца, принесённого в жертву, чтобы не пострадали другие и «не погибли, но имели жизнь вечную» [От Иоанна святое благовествование, Гл. 3, ст. 16 2001, 103]. Он старается для всех, получая в награду лишь оскорбления как со стороны жены, больше похожей на злобную фурию: «...тряпка ты! Дурище! (...) Где тебя черти носят по такой воде? Наверное, уже к этой суке летал, родную жену и детей оставив на погибель» [Czarnyszewicz 2017, 147, 152], так и самого Юзика: «Тебе баба моя пах-

нет, хочешь её под хвост понюхать... (...) А ты потаскун! Я вам дам любовь!..» [Czarnyszewicz 2017, 146], а со стороны остальных соотечественников просто потребительски равнодушное пользование плодами его трудов.

Собственно же Союз польских эмигрантов выступает не то чтобы в роли этакого парадиза для национальной колонии, но местом, где «тебя там встретит огнегривый лев и синий вол, исполненный очей, с ними золотой орёл небесный, чей так светел взор незабываемый» [Гребенщиков, онлайн]. Союз является своеобразным пристанищем на всякий случай для людей с какими-либо социальными проблемами, но это отнюдь не юдоль скорби, подобно Церкви, куда люди искренне-возжелённо устремляются в моменты психических надломов. Это скорее некое воплощение гегелевского Абсолюта, не безусловное, но как график функции $y = k/x$ (обратной пропорциональности), стремящийся приблизиться к одной из осей координат, однако же никогда он её не достигнет. Там «братская гавенда (...) и иные занятия» [Czarnyszewicz 2017, 153], будучи в нём, близко узнаёшь людей, Человека, есть возможность завести платоническо-романтические взаимоотношения, чем автор и вознаграждает Адама (диалоги на крыльце Юзикового дома с его женой). И вот в такой бинарной оппозиции: щедрый, бескорыстный Адам Нарейко – скряга, грубиян, изъясняющийся белорусско-польско-испанской нарративной плюшкинизирующей Юзик Баранчик, – подаются достоинства и преимущества общественной работы на благо колонии, да и сама колония.

Заключительный аккорд – как в притче про блудного сына: «Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою» [От Луки святое благовествование, Гл. 15, ст. 18 2001, 85]. Вследствие смерти жены вконец опустившийся, одичавший, спившийся, потерявший интерес к жизни Юзеф Баранчик наконец решается вступить в Союз польских эмигрантов и завещать ему всё своё имущество. Нарейко убеждает его, что это последняя для него надежда: «...Союз наш имеет хорошего адвоката. (...) Ты будешь хозяином всего до самой смерти» [Czarnyszewicz 2017, 153, 154]. Однако уже поздно. Раскаявшийся и в последний момент духовно просветлевший Юзик-скряга умирает у калитки своего дома. «Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрёл разум!» [Книга Притчей Соломоновых, Гл. 3, ст. 13 2001, 641]. Все дома, построенные Юзиком, всё его имущество, как и бывшей жены, достались не совсем приветливой Аргентине, городу Коста-Бая. Воистину буквально исполнились вышеприведённые слова из «Экклесиаста» и Псалма 38.

Подводя итог всему сказанному, следует сказать, что в отличие от других польских писателей-эмигрантов в Аргентине Флориан Чарнышевич сосредоточился не на публицистике на злобу дня об изгнаннических буднях на чужбине (хотя и дописывал в *Glos Polski*), а свои цель и задачу увидел в художественном осмыслении этой жизни, в осмыслении того, что привело к ней. Он создал определённую визию общественной деятельности людей, занесённых волею судеб на другой континент, свидетельством чего и являются проанализированные две малые литературные формы, ставшие заметным явлением литературной жизни аргентинской колонии. Несмотря на то что, по словам Бартоша Байкова, о Чарнышевиче уже и «написано в Польше много текстов» [Вајków 2017, 107], глубинный дискурс его творчества, его библеизм даже и не замечены. Что и обуславливает своеобразный азимут дальнейших исследований многогранной личности Великого Прибрежца в контексте литературно-публицистической деятельности писателя как неотъемлемой части общепольского культурологического процесса.

Литература

- Voiny sveta: tekst pesni, grupa "Lâpis Trubeckoj"* [Воины света: текст песни, группа "Ляпис Трубецкой"], [online], www.gl5.ru, [16.12.18].
- Grebenšikov B., *Gorod zolotoj* [Гребенщиков Б., *Город золотой*], [online], www.megalyrics.ru, [16.12.18].
- Kniga Ekklesiasta, ili Propovednika*, Gl. 3, st. 5, 2001, [v:] *Knigi Vethogo Zaveta*, Duncanville, s. 666–674. [Книга Екклесиаста, или Проповедника, Гл. 3, ст. 5, 2001 [в:] *Книги Ветхого Завета*, Duncanville, с. 666–674.]
- Kniga pritčej solomonovyh*, Gl. 3, st. 13, 2001, [v:] *Knigi vethogo zaveta*, Duncanville, s. 640–665. [Книга Притчей Соломоновых, Гл. 3, ст. 13, 2001, [в:] *Книги Ветхого Завета*, Duncanville, с. 640–665.]
- Ot Ioanna svâtoe blagovestvovanie*, Gl. 3, st. 16, 2001, [v:] *Knigi Novogo Zaveta*, Duncanville, [От Иоанна святое благовествование, Гл. 3, ст. 16, 2001, [в:] *Книги Нового Завета*, Duncanville, с. 100–129.]
- Ot luki svâtoe blagovestvovanie*, Gl. 15, st. 18, 2001, [v:] *Knigi Novogo Zaveta*, Duncanville, s. 61–99. [От Луки святое благовествование, Гл. 15, ст. 18, 2001, [в:] *Книги Нового Завета*, Duncanville, с. 61–99.]
- Plody razdum'â, ne vključavšiesâ v sobranie sočinenij Koz'my Prutkova. Mysli i aforizmu*, 1958, [v:] *Sočineniâ Koz'my Prutkova*, Kostroma. [Плоды раздумья, не включавшиеся в собрание сочинений Козьмы Пруткова. Мысли и афоризмы, 1958 [в:] *Сочинения Козьмы Пруткова*, Кострома.]

- Psaltir'*, Psalom 38, st. 7, 2001, [v:] *Knigi Vethogozaveta*, Duncanville, s. 569–639. [Псалтирь, Псалом 38, ст. 7, 2001, [в:] *Книги Ветхого Завета*, Duncanville, с. 569–639.]
- Tetmajer K., 1988, *Legenda Tatr*, Moskva. [Тетмайер К., 1988, *Легенда Татр*, Москва.]
- Tri žatvy*, Gl. 14, st. 1, 1998, [v:] *Otkrovenie*, Анахайм, s. 1393–1398. [Три жатвы, Гл. 14, ст. 1, 1998, [в:] *Откровение*, Анахайм, с. 1393–1398.]
- Tri žatvy*, Gl. 14, primeč. 1³, 1998, [v:] *Otkrovenie*, Анахайм, s. 1393–1398. [Три жатвы, Гл. 14, примеч. 1³, 1998, [в:] *Откровение*, Анахайм, с. 1393–1398.]
- Čarnyševič Florian, [v:] *Vikipediâ* [Чарнышевич Флориан, [в:] *Википедия*], [online], www.wikipedia.org, [16.12.18]].
- Bajków B., 2017, *Florian Czarnyszewicz: przyczynek do biografii*, „Arcana” № 6, s. 107–132.
- Brykalska M. [i inni], 1977, *Czarnyszewicz Florian (1895–1964)*, [w:] *Słownik współczesnych pisarzy polskich. We 3 t., T. 1*, Warszawa, s. 180–181.
- Hadaczek B., 1999, *W „nadberezyńskim kraju” Florianiana Czarnyszewicza*, [w:] *Literaturoznawcza „trylogia kresowa” Bolesława Hadaczka. We 3 t. T. 3*, Gorzów Wlkp., s. 184–197.
- Maksimiuk D., 2017, „*Spolecznik*” z Argentyny, „Arcana” № 6, s. 133–138.
- Maksimiuk D., 2017, *Listy „pisarza robotnika” do „inżyniera poety”*, „Arcana” № 6, s. 156–162.
- Czarnyszewicz F., 2017, *Elita gorących serc*, „Arcana” № 6, s. 138–142.
- Czarnyszewicz F., 2017, *Józiuk źmuda*, „Arcana” № 6, s. 143–155.
- Czarnyszewicz F. 2017, *Nadberezyńcy*, Kraków.

TWO SMALL LITERARY FORMS OF FLORIAN CZARNYSZEWICZ
AS A PHENOMENON IN THE LITERARY LIFE OF THE ARGENTINE POLONIA

S U M M A R Y

Key words: literature, exile, war, Argentine Polonia, social activity, homeland, small literary form

The article is about two stories by Florian Czarnyszewicz, written to them at the end of their lives on the subject of Argentine Polonia, to which he devoted his entire social activity. Biblical themes have been invented in the small literary forms of the writer. A short comparison was made with the works of other writers, in particular with Mikhail Sholohov. Reflections on the usefulness of exploring the small literary forms of the writer before the great ones were quoted.

